

100
45

Протокол опроса адвокатом

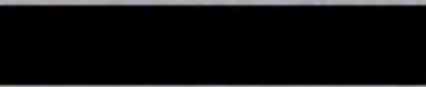
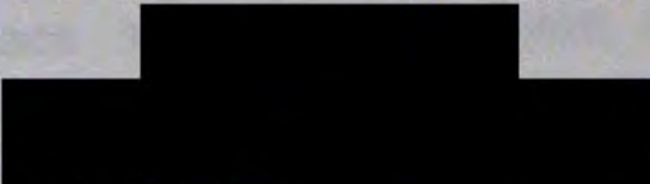

Вашингтон, Округ Колумбия (США)

« 7 » января 2009г.

Опрос начат в 10 ч 30 мин,
окончен в 13 ч 30 мин.

Адвокат Ривкин Константин Евгеньевич регистрационный №77/3574 в реестре адвокатов г.Москвы, удостоверение №3827, выданное 21.03.2003г Главным управлением министерства юстиции Российской Федерации по г.Москве в помещении Л Стрит, Нордвест, дом 2101, офис 1000, г. Вашингтон, Округ Колумбия 20037 опросил с его согласия лицо, предположительно владеющее информацией, относящейся к делу, по которому адвокат оказывает юридическую помощь гр-ну Лебедеву Платону Леонидовичу.

Опрашиваемое лицо:

1. Фамилия, имя, отчество: ЮДЖИН МАЙКЛ ХАНТЕР (*Eugene Michael Hunter*)
2. Дата рождения: 23 января 1943 г.
3. Место рождения: Тинэк, Нью Джерси, США (Teaneck, New Jersey, USA)
4. Место жительства и (или) регистрации:
- Телефон:
5. Гражданство: США
6. Место работы или учебы: Отставной международный банкир
- Телефон:
7. Паспорт или иной документ, удостоверяющий личность:
- Сведения о себе подтверждаю

Участвующему лицу объявлено о применении технических средств: При подготовке данного документа адвокат использовал компьютер и принтер.

Перед началом опроса я ознакомлен со следующими нормами действующего законодательства Российской Федерации:
п.2, ч.3 ст.6 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» «адвокат вправе опрашивать с их согласия лиц, предположительно владеющих информацией, относящейся к делу, по которому адвокат оказывает юридическую помощь».
ч. 1 ст.51 Конституции РФ «Никто не обязан свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников».

100
46

ч.4 ст.56 УПК РФ «Свидетель вправе :1) отказаться свидетельствовать против самого себя и близких родственников, круг которых определен п.4 ст.5 УПК РФ».

При согласии дать пояснения, я предупрежден о том, что мои показания могут быть использованы в качестве доказательств по уголовному делу, в том числе и в случае моего последующего отказа от этих пояснений.

Вышеуказанные нормы законодательства мне понятны, разъяснены, показания буду давать добровольно.

Опрашиваемое лицо [REDACTED]
(подпись)

Лицо производящее опрос [REDACTED]
(подпись)

Иные участвующие лица:

Переводчик: Кирилл Савинский [REDACTED]

Адвокат со стороны опрашиваемого лица: Опрашиваемое лицо дает показания без адвоката.

По существу заданных мне вопросов могу пояснить следующее:

Защитники Михаила Ходорковского и Платона Лебедева по уголовному делу № 18/432766-07 предоставили мне в переводе на английский язык извлечения из Постановления о привлечении в качестве обвиняемого от 3 февраля 2007 года, опубликованные на сайте Генеральной Прокуратуры РФ [HTTP://WWW.GENPROC.GOV.RU/RU/NEWS/INDEX.SHTML?ID=5467](http://www.genproc.gov.ru/ru/news/index.shtml?id=5467). В июле 2008 года защитники передали для моего ознакомления перевод на английский язык Постановления о привлечении в качестве обвиняемого от 29 июня 2008 года, далее именуемого «ППО», и я ознакомился с ним.

Я окончил Джорджтаунский университет и в июне 1969 года получил степень бакалавра наук дипломатической службы. Кроме того, в июне 1976 года я получил степень магистра делового администрирования в Нью-йоркском университете. Последние 38 лет я работал над различными международными инвестиционными и финансовыми проектами, причем в ряде случаев эти проекты были связаны со спорами между сторонами инвестиций и механизмов финансирования, в том числе с зарубежными правительствами.

В январе 1998 года я приступил к работе в качестве Президента вновь образованной корпорации из штата Делавэр под названием Дарт Мэнэджмент, Инк. (*Dart Management, Inc.*), которую контролировал промышленник из штата Мичиган Кеннет Дарт (*Kenneth Dart*). Тот же Кеннет Дарт был основным собственником расположенной на Кипре компании Асирота Лимитед (*Acirota Limited*), которую он учредил для владения некоторыми из своих инвестиций в постсоветской России. В середине 1990-х годов г-н Дарт произвел многочисленные инвестиции в российскую нефтегазовую промышленность, приобретая миноритарные доли участия в ряде компаний, занимающихся разведкой и добычей.

Большая часть нефтяных компаний, миноритарным акционером которых являлся Дарт, были дочерними предприятиями холдинговых компаний. Например, ОАО

100
44

«Томскнефть», далее именуемая «Томскнефть», было дочерним предприятием ОАО «Восточная Нефтяная Компания», далее именуемой «ВНК», а ОАО «Юганскнефтегаз» и ОАО «Самаранефтегаз» были дочерними предприятиями ОАО «НК ЮКОС», далее именуемого «Юкос». На момент покупки Дартом этих миноритарных пакетов, Дарт знал, что добывающие компании, вероятно, будут в конечном итоге консолидированы, войдя в состав холдинговых компаний, с которыми они были связаны, и станут стопроцентными дочерними предприятиями полностью вертикально интегрированной компании. Такие операции по консолидации обычно происходили бы посредством обмена акций холдинговых компаний на акции добывающих дочерних предприятий, поэтому миноритарные акционеры делали упор на стоимость акций добывающих компаний. Это приводило бы к справедливому коэффициенту обмена на акции холдинговой компании, которые и были конечной целью инвестиций.

Насколько я понимаю, во второй половине 1998 года Юкос подал заявку в Государственный антимонопольный комитет России (ГАК) на приобретение им долевого участия миноритарных акционеров в добывающих дочерних предприятиях, и ГАК заявку удовлетворил.

Моя роль заключалась в представлении интересов г-на Дарта, а также в отстаивании его прав и интересов как миноритарного акционера добывающих компаний Юкоса. Мы были обеспокоены попытками материнской компании уменьшить стоимость добывающих компаний Юкоса, поскольку это автоматически снижало стоимость их акций.

Обвинение утверждает, что господин Ходорковский и господин Лебедев похитили всю нефть, добытую добывающими дочерними обществами Юкоса в течение 1998-2003 гг. Насколько я понимаю, обвинение, по сути, утверждает, что г-н Ходорковский в качестве руководителя организованной группы обманывал акционеров добывающих дочерних обществ в отношении характера сделок по продаже нефти перерабатывающими и сбытовыми дочерними компаниями, не раскрывая информацию о том, что нефть первоначально продавалась принадлежащей или подконтрольной Юкосу трейдерской компании, а затем продавалась конечным покупателям по экспортным рыночным ценам, а также делая ложные заявления о том, что цена определялась независимыми оценщиками и корректировалась в зависимости от изменений рыночных цен. По изложенным ниже причинам я считаю, что обвинения в хищении неправильны.

К тому времени, когда я пришел на работу в компанию Dart Management, Дарт уже был осведомлен о том, что Юкос заключил договоры о купле-продаже с добывающими дочерними предприятиями, в соответствии с которыми добывающие предприятия продавали всю добытую ими нефть Юкосу или юридическим лицам, связанным с Юкосом. Дарт полагал, что цены в этих договорах были ниже мировых экспортных цен и довел эту обеспокоенность до Юкоса и его руководства. Данная практика, известная как трансфертное ценообразование, создавала тенденцию к понижению котировок акций добывающих дочерних предприятий, а котировки акций Юкоса при этом поднимались. Хотя это, возможно, было выгодной стратегией бизнеса с точки зрения акционеров Юкоса, мы были обеспокоены, что в результате, при полной консолидации добывающих компаний, нам предложат за акции заниженную цену. Мы понимали, что ОАО «Сибнефть», ОАО «Сиданко», ОАО «Роснефть», ОАО «Лукойл» и иные холдинговые компании использовали ту же стратегию и обращались с добывающими дочерними предприятиями таким же образом, по сути, рассматривая их как центры затрат.

Вопреки утверждениям обвинения, на самом деле еще в январе 1998 года нам и, насколько мне известно, большинству других миноритарных акционеров добывающих

100
48

дочерних обществ было известно, что Юкос покупает нефть у дочерних обществ и перепродает ее конечным потребителям по более высокой цене. Имеющаяся в открытом доступе финансовая отчетность Юкоса, заверенная аудитором, в том числе квартальные отчеты, которые, в соответствии с требованиями законодательства, представлялись в Федеральную комиссию по рынку ценных бумаг (ФКЦБ), подтверждала это еще в начале 1998 года, когда были выпущены финансовые отчеты за 1996 год в соответствии с ОПБУ США. В заключении аудитора к финансовым отчетам по ОПБУ США за 1996 год отмечалось, что нефть добывающих дочерних обществ передавалась Юкосу «по стоимости, которая приближается к внутренним ценам, хотя примерно одна четверть такой сырой нефти в последующем продается «Нефтяной компанией «ЮКОС» по международным ценам»»

Хотя у Дарта и были вопросы по поводу этой практики ценообразования, важно отметить, что Дарт никогда не утверждал, что Юкос должен был покупать нефть у «Томскнефти» и других добывающих дочерних обществ по полной экспортной рыночной цене без вычета затрат по доставке нефти на экспортный рынок, например, транспортных и других логистических затрат. Цель вопросов Дарта заключалась в том, чтобы попытаться определить, была ли политика ценообразования внутри компании справедливой по отношению к добывающим дочерним обществам и их акционерам. В это время об использовании внутрикорпоративного ценообразования Юкосом и другими российскими нефтяными компаниями было всем известно, и эта практика открыто обсуждалась. Нам также было известно, что российские налоговые органы не возражали и не высказывали озабоченности по поводу законности такой практики.

Я недавно имел возможность ознакомиться с объяснениями Мишеля Сублена, финансового директора Юкоса с 1999 по 2001 год, чьи данные под присягой объяснения пролили новый свет на отношения между Юкосом и его добывающими дочерними предприятиями, такими как «Томскнефть», и содержат информацию, касающуюся вопросов, поднятых миноритарными акционерами «Томскнефти» на Внеочередном общем собрании акционеров («ВОСА») 1998 года. Например, я не знал, что цены на нефть в определенные периоды 1997-1998 гг. опускались до столь низкого уровня, что российские нефтяные компании, включая Юкос, несмотря на большие объемы экспортных продаж, оказывались не в состоянии покрывать расходы по транспортировке и расходы, связанные с экспортом нефти, и что они несли убытки. Не было мне известно и о том, что в Юкосе была создана централизованная система управления денежными средствами, в рамках которой на цели осуществления капитальных затрат, операционных и эксплуатационных расходов по дочерним компаниям распределялась часть разницы между ценой, уплаченной Юкосом добывающим дочерним обществам за их нефть, и той ценой, которую Юкос получал при ее продаже. Эти меры могли бы послужить миноритарным акционерам надежной гарантией того, что Юкосом обеспечиваются финансовые интересы добывающих дочерних обществ.

Поскольку в то время эта информация была нам недоступна, для того чтобы максимально повысить потенциальную стоимость акций добывающих дочерних обществ, в течение осени 1998 года Дартом было принято решение настоять на своем несогласии с «Томскнефтью» и предложить изменения в действующий устав компании, а также определенные управленческие решения и подходы. Это был сложный период для такого определенного управленческие решения и подходы. Это был сложный период для такого спора между мажоритарными и миноритарными акционерами, поскольку в период с 1997 по 1999 гг. мировые цены на нефть упали, и компаниям, занимавшимся разведкой и добычей, с трудом удавалось покрывать расходы и продолжать свою деятельность.

На состоявшемся 27 ноября 1998 года заседании Совета директоров Томскнефти Дарт через компанию Асирота Лимитед обратился к Совету директоров с запросом о

100
79

созыве ВОСА 15 января 1999 года, а Совет директоров одобрил эту просьбу. Кроме того, на заседании Совета директоров компания Асирота Лимитед предложила, а Совет директоров утвердил повестку дня предлагаемого ВОСА, куда вошло рассмотрение нового устава Томскнефти, ограничение полномочий Совета директоров, расторжение договора с компанией «Юкос-ЭП» об управлении Томскнефтью, а также конвертация привилегированных акций в обыкновенные. Таким образом, в противовес содержащимся в ППО утверждениям обвинения, что г-н Ходорковский и Юкос созвали ВОСА, на деле созыва ВОСА потребовали миноритарные акционеры в выше указанных целях. («Протокол №6 заседания Совета Директоров ОАО Томскнефть от 27 ноября 1998 г.», см. Приложение №1). Еще одно заседание Совета директоров было намечено на 9 декабря 1998 года.

9 декабря 1998 года я присутствовал на заседании Совета директоров Томскнефти совместно с г-жой Морозовой – адвокатом из нанятой Дартм юридической фирмы Винсон и Элкинс (*Vinson & Elkins*). Г-жа Морозова по мере необходимости переводила мне.

На этом заседании Совета директоров Председатель г-н Филимонов, г-н Кондон (представитель Дарта в Совете директоров) и я обсудили предстоящее ВОСА. В частности, мы рассмотрели предлагаемый список кандидатур в новый состав Совета директоров Томскнефти, куда входили представители компании Асирота Лимитед, включая Питера Оппенгеймера (*Peter Oppenheimer*), Джозефа Кондона (*Josef Condon*) и меня самого, а также обратились к членам Совета директоров с просьбой утвердить этот список для представления на ВОСА. Совет директоров единогласно утвердил список. Поэтому, опять-таки, в противовес утверждениям обвинения о том, что изменения в составе Совета директоров были инициированы Ходорковским и Юкосом, список кандидатов, утвержденный на заседании Совета директоров от 9 декабря 1998 года, был подготовлен в ответ на действия, предпринятые миноритарными акционерами.

Как пояснил мне на тот момент юрисконсульт Дарта, одно из требований российского законодательства при созыве ВОСА заключается в том, чтобы акционеры, включенные в реестр у реестродержателя компании на дату за 45 дней до ВОСА (дата закрытия реестра), были проинформированы о предстоящем собрании и его повестке дня. Присутствовать и голосовать на ВОСА разрешается исключительно акционерам, включенным в этот список. На заседании Совета директоров Томскнефти 9 декабря 1998 года, рассмотрев розданные каждому из членов Совета директоров материалы для предстоящего ВОСА, г-жа Морозова заметила, что список кандидатур от ВНК не отражает количества принадлежащих ВНК акций в капитале Томскнефти. Мы не высказали возражений, а продолжили участие в заседании и проголосовали по всем вопросам повестки дня. (См. копии соответствующих списков кандидатур в Приложении №2).

После состоявшегося 9 декабря 1998 года заседания Совета директоров Томскнефти компания Дарт Мэнэджмент расследовала вопрос о регистрации принадлежащих ВНК акций Томскнефти. Мы обнаружили, что ВНК не было в списке зарегистрированных собственников акций по состоянию на 27 ноября 1998 года, то есть на дату закрытия реестра для целей участия в январском ВОСА. Дарт осознал, что при данных обстоятельствах можно было утверждать, что ВНК не является акционером Томскнефти в целях предстоящего ВОСА, а руководство Юкоса, действуя через принадлежащий ему контрольный пакет ВНК, не могло участвовать в ВОСА. Таким образом, вместо средства, позволяющего Юкосу ущемлять интересы миноритарных акционеров Томскнефти, Дарт рассматривал отсутствие принадлежащих ВНК акций

100
80

Томскнефти как появление возможности, позволяющей миноритарным акционерам установить контроль в Совете директоров и руководстве Томскнефти. Мы никогда не считали, что действия, которые, как нам стало известно позднее, представляли собой обмен принадлежащих ВНК акций Томскнефти, были попыткой Юкоса захватить контроль над Томскнефтью, поскольку, с точки зрения Юкоса, это было бы весьма нелогично, так как Юкос на тот момент имел контроль над Томскнефтью как мажоритарный акционер ВНК; таким образом, мены акций с положением об обратном выкупе не имели практического значения, потому что те же стороны, которые держали то же самое количество акций, продолжали удерживать контроль над Томскнефтью.

Однако Дарт осознавал, что любая попытка отстранить мажоритарного акционера от участия в ВОСА Томскнефти встретит активное противодействие. Таким образом, в декабре 1998 года мы довели информацию о том, что ВНК отсутствует в реестре акционеров Томскнефти, до внимания суда, задействованного по делу Биркенхольц С.А., (как описывается ниже), а также до Федеральной комиссии по рынку ценных бумаг. Мы сделали это не с целью заявить о незаконности обмена акций, поскольку нам не были известны конкретные детали данной операции, а с целью заручиться поддержкой ожидаемой нами конфронтации на ВОСА по вопросу о правах голоса. Таким образом, российские государственные органы были уведомлены о сделках по обмену акций Томскнефти и о предстоящем ВОСА.

До внеочередного общего собрания акционеров мы знали, что кредитор ВНК по постановлению суда «Birkenholz, S.A.» получил постановление суда, замораживающее принадлежащий ВНК пакет акций в «Томскнефти». Из этого мы заключили, и, насколько я помню, г-н Рыбин, еще один миноритарный акционер «Томскнефти», сказал нам, что тот факт, что в реестре отсутствуют принадлежащие ВНК акции «Томскнефти», мог быть связан с желанием Юкоса, мажоритарного акционера ВНК, защитить акции «Томскнефти» от признанного по решению суда кредитора. Как отмечалось выше, мы в то время не были знакомы с деталями обмена, но, исходя из моего нынешнего понимания его структуры (особенно положения об обратном выкупе), постольку поскольку Юкос, выступая в качестве мажоритарного акционера ВНК, заставил ВНК временно обменять свои акции в «Томскнефти» на основе соглашения об обратном выкупе, чтобы защитить свое доленое участие от кредиторов, Юкос, очевидно, действовал в интересах всех акционеров ВНК. В их число входила и Российская Федерация, представленная Министерством государственного имущества, которому в то время принадлежал значительный миноритарный пакет в ВНК – 36,8%.

15 января 1999 года я присутствовал на ВОСА Томскнефти в качестве члена Совета директоров и представителя группы Дарта. Я заявил с трибуны, что, по состоянию на 27 ноября 1998 года, акции Томскнефти, которые якобы принадлежат ВНК, не включены в реестр акционеров, а присутствующий на ВОСА пристав готов утверждать, что компания ВНК не может голосовать принадлежавшими ей акциями Томскнефти, поскольку они были «арестованы» судом по делу Биркенхольц С.А. Однако председатель собрания Филимонов разрешил ВНК зарегистрироваться как держатель акций Томскнефти в списке акционеров, принимающих участие в собрании, и таким образом позволил представителям ВНК принимать участие в голосовании.

В знак протеста компания Асирота Лимитед и прочие миноритарные акционеры покинули зал собрания и провели альтернативное собрание акционеров в другом здании. Даже если другие государственные представители, выступающие в своем официальном качестве, такие как ФКЦБ, и присутствовали на ВОСА, никто из них не попытался что-либо предпринять с целью воспрепятствовать регистрации акций Томскнефти, якобы

100
81

принадлежавших ВНК, в списке акционеров, принимающих участие в собрании, и воспрепятствовать голосованию этими акциями. Подобным образом, насколько мы смогли установить, никто из них не принял участие в нашем отдельном ВОСА.

Позднее мы узнали, что представители Юкоса на ВОСА, которые претендовали на право голосовать принадлежавшими ВНК акциями Томскнефти, утверждая, что структура обмена акций позволяла им при передаче акций голосовать этими акциями, провели параллельное собрание и отклонили выдвинутые компанией Асирота Лимитед предложения по повестке дня, а также по составу Совета директоров. Напротив, миноритарные акционеры, принявшие участие в нашем отдельном собрании и претендовавшие на то, что на тот момент они представляли большинство акций с правом голоса, выбрали состав Совета директоров и утвердили иные изменения, включая новый устав компании.

Российские суды вынесли решение в пользу Юкоса и ВНК и признали директоров, которые были выбраны на отдельном ВОСА с его участием. Как мы поняли, 4 февраля 1999 года Министерство государственного имущества приступило к расследованию обмена принадлежавших ВНК акций Томскнефти. Однако ни Министерство государственного имущества, ни какое-либо иное государственное ведомство не предоставили никакой поддержки по судебному спору относительно вопросов голосования, возникших на январском ВОСА.

Кроме того, вне зависимости от намерения, стоявшего за проведенным Юкосом обменом акций Томскнефти, Дарт никогда не утверждал, что это нанесло ущерб миноритарным акционерам Томскнефти, так как это не влияло негативно на права голоса миноритариев. На самом деле Дарт и другие миноритарные акционеры могли утверждать на внеочередном собрании акционеров в январе 1999 года, что они представляют большинство акций, имеющих право голоса, что предположительно обеспечивало им мажоритарный контроль над компанией. Аналогичным образом мы не рассматривали это обстоятельство как негативно влияющее на стоимость акций, которая играла роль при установлении коэффициента обмена акций Томскнефти на акции Юкоса в предстоящей консолидации добывающих дочерних предприятий. Если снятие акций «Томскнефти» с баланса ВНК что-то и дало, это, вероятно, принесло пользу миноритарным акционерам «Томскнефти», и если бы обмен акций остался в силе (а для этого, как считает обвинение, он и был задуман), это бы улучшило коэффициент обмена, которым они потом смогли бы воспользоваться при консолидации компаний. Поскольку Юкос был мажоритарным акционером ВНК, снятие акций «Томскнефти» с баланса ВНК снизили бы оценку акций Юкоса по отношению к оценке акций «Томскнефти». В результате, Юкосу пришлось бы предоставить больше своих акций в обмен на акции «Томскнефти».

В марте 1999 года Юкос созвал ВОСА трех добывающих компаний – Томскнефти, ОАО «Юганскнефтегаз» и ОАО «Самаранефтегаз». Повестка дня по каждому собранию включала подготовленные Юкосом предложения о дополнительной эмиссии акций, которые, по мнению Дарта и других лиц, помешали бы достичь надлежащего коэффициента по акциям в ходе консолидации добывающих компаний Юкоса, как это описано выше, см. стр. 3-4. В России и в ряде оффшорных юрисдикций последовал ряд возбужденных Дартом судебных процессов относительно этих предложений в контексте попыток Дарта заблокировать их реализацию.

К декабрю 1999 года, хотя судебные дела были по-прежнему, в основном, не решены, мы достигли соглашения об урегулировании, в соответствии с которым ассоциированные с г-ном Ходорковским юридические лица выкупили доленое участие

100
82

Дарта в трех основных добывающих компаниях Юкоса, и при этом обе стороны согласились отказаться от всех судебных исков.

Если обвинение утверждает также, что в 2001 году компания Дарт Мэнэджмент как акционер Томскнефти подала в различных судах иски против господ Ходорковского и Лебедева, а также выступила в прессе с обвинениями против них, то данные заявления неправильны. Ни Дарт, ни одна из его компаний не могли в 2001 году возбудить иск против господ Ходорковского и Лебедева, а также против Юкоса, поскольку в декабре 1999 года мы урегулировали все свои споры с Юкосом и всеми связанными с этой компанией лицами. К 2001 году г-н Дарт более не был акционером какой-либо из компаний Юкоса.

После того, как мы урегулировали с Юкосом свои претензии, которые во всех случаях являлись гражданско-правовыми спорами, я наблюдал за превращением Юкоса в образцовую вертикально интегрированную международную нефтяную компанию. Многие аналитики характеризовали Юкос как ведущую компанию в России. Она стала в России лидером по вопросам прозрачности, финансовой отчетности и корпоративного управления. Эти прогрессивные методы ведения бизнеса сопровождались финансовым успехом, поскольку компания наращивала добычу и запасы, одновременно сокращая издержки. Она выплачивала своим акционерам рекордные дивиденды.

С 2004 года я руковожу Коалицией миноритарных акционеров Юкоса. Я согласился заняться этим проектом в силу своего впечатления, что российское правительство неправомерно нападает на Юкос посредством уголовных обвинений против руководителя компании Михаила Ходорковского и налоговых обвинений против самой компании в ущерб всем ее акционерам. В равной степени я считаю, что новые обвинения, предъявленные г-ну Ходорковскому и г-ну Лебедеву, необоснованны. Во-первых, это непостижимо, что кто-то мог похитить, то есть физически обратить в свою пользу, всю нефть, которая была добыта. Во-вторых, даже если обвинения следует читать так, чтобы они означали, что выручка от реализации этой нефти была похищена, а потом отмыта, то все равно это остается непостижимым, так как консолидированная финансовая отчетность Юкоса охватывает и отражает выручку и действительные денежные выплаты по всей структуре Юкоса. Движение средств между компаниями никак не выводит их из консолидированной отчетности о доходах, и никак их не утаивает. Если на оплату операционных расходов, приобретение активов и на капитальные вложения использовались денежные средства, вырученные от основной деятельности, то я могу утверждать, что выручка от реализации нефти была израсходована на предпринимательские цели. Более того, Юкос платил значительные дивиденды своим акционерам, которые тоже, я полагаю, были уплачены, используя денежные средства. Таким образом, мне ясно, что нефтяная выручка не могла быть изъята из компании так, как указано в обвинениях. Юкос не был бы в состоянии оплачивать счета, которые он оплачивал, если бы руководство было вовлечено в такого рода действия. Несомненно, когда суд будет рассматривать заверенные аудитором финансовые отчеты Юкоса за соответствующий период, это будет очевидно.

Исходя из своего опыта работы в компании Дарт Мэнэджмент и в Коалиции миноритарных акционеров Юкоса, я пришел к выводу, что поведение г-на Ходорковского и г-на Лебедева во время их работы в Юкосе было намного более прозрачным, чем действия российских органов власти в связи с предпринятым наступлением на них и на Юкос. Например, организованный и проведенный российскими властями так называемый аукцион по продаже ОАО «Юганскнефтегаз» был фиктивным и привел к тому, что компания-пустышка под названием «БайкалФинансГрупп» приобрела лучшую

100
83

добывающую компанию Юкоса за небольшую часть ее настоящей стоимости. Впоследствии российский президент Путин признал, что компания-пустышка была использована, чтобы защитить других лиц от ответственности, как следует понимать, от ответственности перед акционерами Юкоса, за приобретение бывшего дочернего предприятия Юкоса.

Для тех миноритарных акционеров добывающих компаний, которые приняли предложение Юкоса по консолидации, в период с 2000 по 2003 год их первоначальная инвестиция представлялась успешной. Они получали значительные дивиденды, а их акционерный капитал достиг стоимости намного выше уровня, на который они могли надеяться в 1990-х годах. К сожалению, для этих акционеров, а также для всех акционеров Юкоса, вложивших средства позднее, акционерная стоимость более не определялась рыночными показателями. К 2004 году судьба акционеров Юкоса определялась не руководством компании, а российскими органами власти, а результат всех похвальных усилий г-на Ходорковского по повышению капитализации компании, в том числе в интересах миноритарных акционеров, были уничтожены российскими органами власти. В конечном итоге, в 2006 году российское правительство принудило Юкос к банкротству и экспроприировало его оставшиеся активы.

Будучи человеком, участвовавшим в некоторых из событий, описанных в ППО, я удивлен тем, как эти события в настоящее время искажаются обвинением, в частности тем, что они неправомерно характеризуются как преступное деяние и хищение со стороны г-на Ходорковского и г-на Лебедева. Частично благодаря моим усилиям и основываясь на обширном освещении в прессе на тот момент, не возникает сомнений в том, что российским органам власти было хорошо известно об обмене принадлежавших ВНК акций Томскнефти, а также о проблемах, связанных с применявшейся Юкосом практикой закупок продукции у его добывающих дочерних предприятий. На тот момент, однако, российские органы власти не предприняли никаких действий в помощь миноритариям. Не считая возбуждения немногочисленных расследований и нескольких заявлений в поддержку со стороны Федеральной комиссии по рынку ценных бумаг, они не приняли участия и не заявили никакой позиции ни по одному из судебных дел, а также не запретили Юкосу осуществлять какие-либо действия. Похоже, что у российских органов власти был скрытый мотив для возбуждения налоговых дел против Юкоса, а также для предъявления господам Ходорковскому и Лебедеву прошлых и нынешних уголовных обвинений, в которых они стремятся приравнять законные методы предпринимательской деятельности к преступлению. Как постановили многочисленные независимые суды стран, к которым Россия обратилась за международной правовой помощью (например, Швейцарии, Лихтенштейна, Кипра, Литвы и т.д.) или за выдачей бывших руководителей Юкоса (Великобритании, Италии, Кипра и т.д.), все это дело представляется политически и экономически мотивированным и не преследует целей законного применения уголовного права.

В заключение, вопреки моей решительной позиции в отношении отсутствия оснований для обвинений и несправедливости российского правительства в обращении с г-ном Ходорковским и Лебедевым, а также вопреки тому, что я хотел бы иметь возможность выступить с заявлениями непосредственно в российском суде, я не готов появиться и давать показания в России, исходя из обеспокоенности за свою личную безопасность. Я готов выступить на этом процессе в рамках видеоконференции и подтвердить вышесказанное.

Перед началом, в ходе либо по окончании опроса от участвующих лиц не поступили заявления.

100
84

Протокол прочитан _____ (лично или
опрашиваемым лицом)

Замечания к протоколу не имеется.

Опрашиваемое лицо: _____
(подпись)

Иные участвующие лица: переводчик _____

Lawrence A. ...

Адвокат: _____

District of Columbia: SS
Subscribed and sworn to before me, in my presence,
this 7th day of January, 2009
Beatrice Melecio
Notary Public, D.C.

My commission expires _____

BEATRICE MELECIO
NOTARY PUBLIC DISTRICT OF COLUMBIA
My Commission Expires June 30, 2011

